

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джульетта стреляет первой
Жемчужные тени

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мстит
Грехи отцов отпустят дети

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть

В СВОБОДНОМ ПАДЕНИИ

**АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ**

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Литвинова, Анна Витальевна.
Л64   В свободном падении : [роман] / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-102737-7

Алексей Данилов, волнуясь, сходил с трапа самолета — он давно не был в родном городе и только сейчас, став известным экстрасенсом, решил приехать на гастроли. Здесь когда-то погибла его мама, и он наконец решил выяснить, что же случилось в тот хмурый осенний день на пустынном морском берегу. Его сразу отыскала старая подруга матери, и Алексей узнал: та вовсе не случайно упала с обрыва. А потом к нему тайно обратилась незнакомая девушка и предложила избавиться от слежки, которую Алексей чувствовал с первого дня...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102737-7

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

В СВОБОДНОМ ПАДЕНИИ

Роман

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алексей Данилов¹

В небесах я чувствую себя великолепно.

Звучит в моем случае двусмысленно. А еще самонадеянно. По-пижонски. Очень снобистски, честно говоря, звучит.

Но к черту оглядки. Я буду говорить только то, что думаю и чувствую. И прошу никакого подтекста и второго смысла в моих речах не искать. А то с вас станется. Еще станете утверждать, что я описал второе пришествие. А я пишу — просто дневник, и больше ничего.

И говоря о прекрасном самочувствии в небесах, я всего-навсего имею в виду: я люблю летать на самолетах.

Мне нравится грандиозный вид под кры-

---

¹ С героем вы уже встречались в романе Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят».

лом. И удобные кресла. И пища, что тебе продуманно приносят в пластиковой коробочке, покрытой пленкой. Сидишь, попи-ваешь кофеек, жуешь бутерброд — и в полном смысле слова находишься между небом и землей.

Из одного мира, из одной жизни вылетел, а в другую еще не прилетел.

Поэтому ты с полным правом можешь заниматься в полете чем угодно. Тебе дарят пару часов между двумя твоими жизнями. До полета — и после. А ты стараешься это время убить. Приканчиваешь минуты со знанием дела: глубокомысленно пролистываешь глянцевого журнала, неспешно попи-ваешь кофею.

Я вообще-то не хотел ехать в Энк. Слишком близкое все, слишком родное. Слишком много вибраций. Но Сименс как прицепился! Поехали да поехали, единственный из крупных городов, где мы никогда не были, иные уж по два-три раза окучили, в Питере почти прописались, а Энк... К тому же город портовый, а значит, денежный, люди не бедствуют, стало быть, и платить смогут полной горстью. А то после гастро-

лей в Смоленске с Липецком еле командировочные свои отбили.

Гастроли — так мы с Сименсом наши выезды называем. Сходство, конечно, имеется. Особенно если помнить, что воры и шулеры тоже свои визиты *гастролями* именуют. Правда, не очень понятно, на чьи экспедиции мои путешествия похожи больше: эстрадных звезд или карманников. Хотя смысл заездов и у первых, и у вторых, и у меня — одинаковый: чес. То есть отъем денег у населения, с той или иной степенью законности.

Я ведь только в начале своей карьеры считал, что у меня есть некая Миссия. Что я должен Выполнить Свое Предназначение. Но теперь понимаю: предназначение — туфта на постном масле. Нет у меня, как и у большинства людей на земле, никакой особенной миссии. И моя жизнь — как и жизнь каждого из нас, людишек, — есть просто способ существования белковых тел. Немногим отличающийся, по сути, от размножения и гибели плесени.

Думать, что ты можешь повлиять на судьбу человечества, — самонадеянно и опасно.

В моем случае — опасно смертельно. Потому что означает — заноситься перед лицом Бога или Судьбы (смотря в кого ты веришь). Но! В кого бы ты ни верил, он или она (Бог или Судьба) — словом, высшие силы — заносчивых карает, и весьма жестоко. К примеру, только раскрылся человек управлять судьбой если не всей планеты, то огромной страны — как вдруг, бах, insult, и ничем он уже не управляет, а, напротив, колясочкой инвалидной вместе с ним, прикованным, нянечка рулит. А он радостно мумукает, пытается объяснить, куда его катить надо.

В моем ведь случае особо опасно заноситься. Потому что на жизнь одного, отдельно взятого человека (или группы людей) я повлиять как раз таки могу. Это не отрицается ни мной, ни кем иным из знающих меня товарищей. (Другой вопрос, насколько благотворно в конечном итоге мое влияние, но если мы эту тему начнем обсуждать, боюсь, разговор до завтрашнего утра не кончится.) Когда у тебя действительно есть способности не просто вернуть загулявшего мужа в семью, но и заставить его

заново полюбить благоверную — если об этом всерьез задумываться, то недалеко до идеи, что ты, скромный человечиска, равен богам. А вот это как раз опаснейшее заблуждение. Которым я, повторюсь, не страдаю.

Подобные иллюзии исчезли у меня давно. А вот прожить самому вкусно да достойно — другое дело. Ну, может, хорошим людям чем-нибудь помочь. Это мне по силам. Но в подобных устремлениях я не слишком отличаюсь от большинства землян.

Поэтому свой весьма странный талант я давно уже не воспринимаю как нечто супер-пупер-особенное. Просто кому-то Бог вручил при раздаче удивительно гибкий позвоночник, и он зарабатывает на арене человеком-змеей. Кому-то (как Сименсу) он выдал умение считать, как ЭВМ. Кому-то — талант и страсть к бизнесу, как моему отцу, а мне вот... Даже не знаю, как определить одним или хотя бы двумя словами мои таланты. Третий глаз? Экстрасенсорика? Ясновидение? Эти слова настолько затасканы и скомпрометированы мошенниками, что их даже произносить не хочется. К тому же сии термины довольно неполно и слабо от-

ражают суть моего дарования. Я лично свою способность называю Дар. Слишком самоуверенно, да? Но я же даю это определение про себя и не кричу о том на каждом перекрестке. К тому же сотни людей могут подтвердить: дар — не дар, но определенные способности у меня и впрямь имеются. И потому безо всякой особой рекламы, только благодаря легчайшим, инспирируемым Сименсом слухам — в каждом новом городе меня начинают ждать. И даже раздувать вокруг моего грядущего визита ажиотаж.

Особенно — в городе моего детства.

Варвара Кононова

Мой командир, полковник Петренко, звонит мне когда заблагорассудится. Если он на дежурстве и хочет что-нибудь сказать в три часа ночи, он не комплексует. Снимает трубку и набирает мой номер. А когда я однажды попыталась втолковать ему, что у меня есть право на отдых и какую-никакую личную жизнь, полковник поставил меня по стойке «смирно» и вдохновенно прочел короткую, но жесткую лекцию на тему, что я: а) являюсь военнослужащей; б) наше под-

разделение, согласно наставлению, находится на постоянном боевом дежурстве и в) сверхсекретная комиссия, где мы с ним оба, между прочим, служим, обязана самым оперативным образом откликаться на вызовы времени. Потом он сказал: «Кругом», и... и как ни в чем не бывало продолжил в дальнейшем свою практику. И я смирилась. Не потому, что сильно верила в уже изрядно побитую молью миссию нашей комиссии, нет. А во многом потому, что ночные петренковские звонки все ж таки звучали нечасто — раз в месяц в среднем. Можно потерпеть. К тому же полуночные разговоры с товарищем полковником были по меньшей мере занимательны. Или даже полезны.

Сегодня он позвонил всего-то полпервого — я еще даже заснуть не успела, медитировала над книжкой. Всякий раз полковник начинал свои ночные разговоры с одной фразы:

— Спишь?

— Чего хотели, Сергей Александрович? — совсем не по-уставному отвечала я.

— Твой подопечный начал активничать, — мрачно молвил Петренко.

— Какой из?.. У меня подопечных много.

— Данилов. Алексей.

— А-а, тот парнишка из Москвы! Горящее дерево и прохождение сквозь стену в аэропорту Шереметьево?

— Он уже далеко не парнишка. Я прикинул: ему за тридцать перевалило.

— Что он натворил?

— Собирается на родину свою, в Энск.

— Ну и что?

— Как — что? — начал заводиться полковник. — Там живет... Забыла?

— Ах да. Но Данилов уже бывал в Энске.

— Да, но тогда *ей* одиннадцать лет было. А *он* в свой прошлый приезд там собственную свадьбу праздновал.

До меня потихоньку стало доходить, чего опасается мой командир, и меня пронзил, словно электрический разряд, острый приступ страха. Но я все-таки пробормотала:

— Ну, раз собрался — значит, пусть себе едет...

— Ты что, не понимаешь, Варвара, что *им ни в коем случае нельзя встретиться?*

Теперь я в голосе Петренко слышала

слабый, но отголосок того, чего я еще никогда в его речах не слыхивала (а в очах не видывала). А именно — страха.

— Все равно вероятность очень мала, — проговорила я, — в Энске населения тысячу двести живет. А то и триста.

— А если у них есть... — начал было полковник, но оборвал себя и сказал достаточно жестко: — Короче, чтобы эти двое повстречались, нельзя допустить ни при каких обстоятельствах. Ни за что. И я тебя уполномочиваю на применение любых методов. Вплоть до... — Пауза, тяжелое дыхание в трубке, а затем: — Вплоть до физического уничтожения.

— Значит, я должна ехать следом за Даниловым?

— А ты сомневалась?

— Он знает меня в лицо, товарищ полковник.

— А ты не светись. И потом: что, я тебя должен учить искусству маскировки?.. В общем, выезжай немедленно. Я попрошу заказать тебе билет на самый ранний утренний рейс.

Алексей Данилов

Я напрасно внушал себе, что мой вояж в Энск — это ПРОСТО ПОЕЗДКА. Одна из многих. Обычные гастролы, и ничего более.

Что ошибался, я понял, уже сходя с трапа. В тот момент, когда миновал стюардессу, дежурившую у люка, сказал ей «спасибо» за полет, ответил на ее резиновую улыбку — и ступил на первую ступеньку лестницы.

Я почувствовал родной запах. Он проник в меня. Теплый и влажный воздух. Аромат полыни. Благоухание, знакомое мне с детства. С самых первых моих лет.

И еще — родной пейзаж. Пустое, как стол, летное поле, а дальше — кусок степи с выжженной на солнце травой. И еще дальше — море: синяя полоска.

И, мгновенно, вспышкой: я бегу по берегу, а навстречу мне — мама. Я, наверно, маленький, потому что вижу ее снизу вверх. А она улыбается и простирает ко мне руки. А за ее спиной — удаленной полоской, как сейчас, — море.

— Ну, проходите же! — вырвал меня из забытья возмущенный голос за спиной. Картинка, необыкновенно ясно вспыхнув-

шая перед моим внутренним взором, исчезла, вибрация погасла, я побежал по трапу вниз, чтобы не задерживать нетерпеливую женщину позади меня, а также прочих пассажиров.

Я забрался в автобус, заполненный людьми и вещами, и, боясь, что на меня опять нахлынет, постарался сконцентрироваться на постороннем.

Вот, к примеру, девушка. Надо просто избегать с ней контакта глазами и молвить что-нибудь нейтральное:

— А здесь совсем теплынь. Наверное, купаться можно.

Девушка отвернулась. Посадка ее головы выражала легкое высокомерие. Она находилась еще в том юнопровинциальном возрасте, когда всякие обращенные к ней слова мужчины воспринимаются как попытка кадриться. Потому и отвернулась, что мои потуги показались ей недостаточно впечатляющими. Я мог *посмотреть ее, понять* и обнаружить, какие, например, мужские слова и поступки подействуют на нее броней, стопудово, на все сто процентов, — но зачем? Зачем она вообще нужна